Игорь КУЗНЕЦОВ

*

Убегать от всего, что коснётся,
уходить безвозвратно.
Мимо стёкол оконных летают, белея, снежинки.
Магия чисел, чья сумма дню смерти кратна.
И небо похоже на детский рисунок. Как будто
с картинки.

И, заглядывая за горизонт ежечасно
и ежеминутно,
закрывая окно, положив ладонь на колени,
тревожно входя в беспокойное тёмное утро,
я хочу одного: я хочу пережить это время.

*

Мир начинался комнатой, плюс шаги
гладили против шерсти зелёный ковёр,
оставляя на нём геометрию ступни.
Пространство кончалось там, где
дремал коридор.

Катая во рту кругленькие драже
чужих имён, не зная хозяев их,
вкус испарялся, и я понимал: уже
не позову её, поскольку мой голос тих.

Пока пульс учащён и тревожен взгляд,
любой диалог, по сути своей, сложен.
Но так сложился логический жизненный ряд,
поэтому пульс учащён и взгляд тревожен.

Светает немного быстрее. Февраль дуреет,
дурнеет, его больше никто не хочет.
Чувства, выращенные в оранжерее,
капризны, как орхидеи. И сердце глохнет.

Любовь начинается позже, чем сердце ёкнет,
покуда не скрипнет внутри маховик железный.
А ресницы, что от избытка влаги мокнут,
так сказать, критерий – совсем не верный.

Город, вползая в спальню, крадётся еле-
еле. Щёлкает пальцами, кожа его тонка.
Я валяюсь в полупустой постели,
почти у самого выхода из тупика.

2004

*

Я вижу совсем не тебя, а образ,
придуманный мною, и взмах ресниц.
И если ты говоришь со мной –
не голос я слышу, а пенье весенних птиц.

Ты входишь в комнату. Тут же,
лишённый фальши,
пол налево-направо делает крен.
И небу впору краснеть, потому что дальше
только узоры обоев, оставшиеся от стен.

И тогда я целую робко и без напора
губы, сводящие с ума плавностью очертаний,
дабы не встретить в карих глазах укора,
а дальше – только крыши от рухнувших зданий.

Потому что, когда ты уйдёшь,
в нашем будущем, лишённом любого завтра,
ничего не будет, и взгляда даже.

Я просыпаюсь. И ем свой завтрак.